

УДК 81

И. А. ТЕПЛЮК

I. A. TEPLIUK

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КИТАЯ

Данная работа посвящена определению функции метафоры как средства речевого воздействия, использующиеся в политическом дискурсе Китая. Материалами исследования послужили тексты выступлений представителей МИД КНР на регулярных пресс-конференциях.

Ключевые слова: политический дискурс, средства речевого воздействия, метафора, политическая метафора.

METAPHOR AS A MEAN OF SPEECH INFLUENCE IN THE POLITICAL DISCOURSE OF CHINA

This work is focused on the function of metaphor as a means of speech influence used in the political discourse of China. The materials of the study are based on the texts of speeches by representatives of the Chinese Foreign Ministry at regular press conferences.

Key words: political discourse, means of speech influence, metaphor, political metaphor.

Политика тесно связана с коммуникацией, не может существовать без нее, поэтому речь является обязательным средством выражения политических идей и реализации политического режима.

Данная работа посвящена анализу политического дискурса в китайском языке. Актуальность темы обусловлена ростом значимости КНР на мировой арене, что повышает необходимость изучения и понимания особенностей китайского политического дискурса. Также полученные знания могут быть полезны для формирования коммуникативной стратегии и эффективного межкультурного диалога с Китаем.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы проанализировать употребление метафоры как средства речевого воздействия, использующейся в

политическом дискурсе Китая. Цель работы обусловила необходимость постановки ряда исследовательских задач: дать определение понятию «дискурс», рассмотреть особенности политического дискурса, выделить средства речевого воздействия и рассмотреть использование метафоры в китайском политическом дискурсе.

За теоретическую основу нашей статьи были взяты работы следующих авторов: П. С. Бабкина, А. П. Чудинов, А. Н. Баранов, И. А. Стернин, Т. А. ван Дейк и другие. Кроме того, были рассмотрены статьи китайских ученых, таких как Ли Юй, Ся Юнь, Юэ Шэнсун, для выявления позиции по исследуемому вопросу со стороны носителей китайского языка.

Понятие дискурса в лингвистике неоднозначно, так как единого общепринятого определения на данный момент не существует. Трактовкой этого явления занимались такие ученые, как Т. А. ван Дейк, З. Харрис, М. Л. Макаров, Н. Д. Арутюнова, О. Г. Ревзина.

Слово «дискурс» изначально произошло от латинского «discursus», что значит «довод, рассуждение» [3, с. 5]. Изначально данное понятие получило широкое распространение в английской, американской и французской культурах. Слово «дискурс» по сути не имеет эквивалентов как в русском, так и во многих других языках, однако дословно можно перевести это слово как «речь, текст, рассуждение».

Теоретическое изучение дискурса началось относительно недавно. Американский лингвист Зеллиг Саббеттай Харрис одним из первых выдвинул термин «дискурс» в работе «Анализ дискурса» (Discourse Analysis) 1952 года. Под анализом дискурса он подразумевает метод, который позволяет проанализировать структуру текста и роль каждого элемента в нем, а также показывает, как можно сконструировать определенный дискурс с помощью схем классов эквивалентности в последовательных предложениях [4, с. 245]. Т. А. ван Дейк определяет дискурс как совокупность моделей ситуаций, оказывающих влияние на понимание смысла сообщения [5, с. 69].

Чтобы определить позицию отечественных ученых в отношении дискурса, прежде всего обратимся к работе М. Л. Макарова, который формулирует три варианта интерпретации дискурса [8, с. 56–57]:

1. Дискурс – смысловая связь двух и более языковых единиц выше уровня словосочетаний или предложений. Такой формальный и структурно ориентированный подход анализирует только воздействие языковых элементов друг на друга, абстрагируясь от внешнего социально-культурологического контекста.

2. Дискурс – любое «употребление языка». Данный функциональный подход предполагает изучение языка в широком контексте. Внутри него выделяют еще два подхода, которые рассматривают дискурс с противоположных методологий. При этическом подходе, в отличие от эмического, объект изучения рассматривается дистанцированно, используются нейтральные, универсальные понятия, что помогает создать общую схему, основанную на типичных критериях. Несмотря на противоположность данных методов, они оба позволяют не только понять дискурс как целое, но и уделить внимание его субъектам и структурным элементам.

3. Дискурс – это высказывания. Под этим определением понимается дискурс как совокупность «функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка» [8, с. 57], а не только изолированные языковые единицы.

Российский специалист в области лингвистики дискурса и текста В. Е. Чернявская понимает дискурс как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [11, с. 134]. Так, дискурсивный анализ сфокусирован на характеристике внешних особенностей коммуникативного процесса и учитывает влияние на него и ситуативного контекста, и экстралингвистического фона.

А. Г. Горбунов в статье «Дискурс как новая лингвистическая парадигма», обращаясь к компетентностному подходу, даёт следующую характеристику дискурса: это «процесс осмысления окружающей действительности с последующим профессионально-, социально-, культурно-ориентированным речевым взаимодействием, которое соотносено с участниками, местом и временем коммуникации» [2, с. 157]. Анализируя также разные точки зрения на интерпретацию дискурса, А. Г. Горбунов замечает, что развитие теории дискурса и его анализ имеет важное значение на современном этапе развития лингвистики.

В данной работе мы будем подробно рассматривать политический дискурс. Если исходить из широкого понимания политического дискурса, которое предлагает Г. Н. Манаенко, дискурс – «общепринятый тип когнитивно-коммуникативного поведения человека» [9, с. 91]. Соответственно, политический дискурс можно определить, как вид речевого поведения в политической сфере, возникающий в определённых социальных и исторических условиях. Если исходить из узкого понимания, то в политический дискурс будут включены только институциональные формы общения, определённый набор типичных для данной сферы моделей речевого поведения [7, с. 69].

А. П. Чудинов отмечает, что при анализе политических текстов необходимо учитывать конкретные условия их создания и функционирования (дискурса). Он также выделяет несколько дискурсивных характеристик в политической коммуникации [12, с. 73–79]:

1. Авторство политического текста. В политическом дискурсе создателем текста принято считать субъект, который берет на себя ответственность за текст, хотя подлинным создателем послания могут быть другие люди.

2. Адресность политического текста. По количественному критерию адресат разделяют на массовый, групповой и индивидуальный. Для политического дискурса наиболее характерными являются первые два вида, хотя индивидуальный адресат тоже может присутствовать (например, в обращении к политику).

3. Стратегия и тактика в политической коммуникации. Под первым понятием подразумевают обобщенное планирование, которое ориентировано на преобразование взглядов реципиента. К коммуникативным тактикам же относят конкретные способы осуществления той или иной стратегии.

4. Политический нарратив. Данное понятие объединяет в себе разные жанры политических текстов, касающихся определённого политического события.

Основной отличительной функцией политического дискурса является использование его как инструмента политической власти, что предполагает системобразующую роль дискурса в политике. Усмонов выделяет следующие функции политического дискурса [14, с. 51–52]:

1. Легитимизация власти: обоснование и разъяснение решений власти.
2. Воспроизведение власти: использование символов для закрепления принадлежности к системе.
3. Социальный контроль: унификация поведения и мышления, манипулирование сознанием социальных групп.
4. Ориентация: формулирование задач и создание картины социально-политической действительности в общественном сознании.
5. Общественная солидарность: объединение общества или отдельных социальных групп.
6. Общественная дифференциация: выделение или исключение социальной группы.
7. Агональная: разжигание и разрешение конфликтов в обществе.
8. Активная: осуществление политики через вербовку сторонников или умиротворение населения.
9. Распространение информации: сообщение о фактах в политической сфере.
10. Пропаганда: контроль за распространением информации и регулирование вопросов общественного внимания.
11. Проекция в будущее и прошлое: выдвижение аргументов за счет реконструирования прошлого или прогнозирования будущего.

Особое внимание уделим положениям о политическом дискурсе, сформулированным китайскими лингвистами. В китайской научной коммуникации для обозначения данного понятия используются термины “政治语境, 政治话语, 政治语篇, 政治修辞, 政策话语”. Изучение политического дискурса в Китае началось сравнительно недавно, в конце XX века, однако уже в начале XXI века оно получило широкое развитие, которое продолжается и по сей день [13, с. 58].

Китайские лингвисты Юэ Шэнсун и Цзян Юй определяют понятие политического дискурса (政治修辞, political rhetoric) как технологию и способность политических субъектов использовать определенный политический язык для достижения убеждения в политическом процессе. Авторы, признавая, что область политического дискурса пришла в Китай из Запада, подчеркивают, что китайские исследования в этой области ориентированы на «процесс» (то есть рассматриваются риторические приемы, соответствующие контексту, стилю и жанру), в то время как западные лингвисты сохраняют акцент на «результате» с точки зрения практичности и функциональности риторики. Здесь также стоит упомянуть, что изучение политического дискурса в Китае отталкивалось не только от западной риторики, но и от древнекитайской литературы, что приводит к чрезмерному вниманию к использованию стилистических приемов [17, с. 121].

Итак, под политическим дискурсом в данной работе мы будем подразумевать тип коммуникации в политической сфере, для которого важны социальные и исторические рамки возникновения дискурса. Главной задачей политического дискурса можно назвать именно воздействие на адресата и убеждение его в верности мыслей адресанта.

По мнению всех рассмотренных нами исследователей, изучение политического дискурса важно для современного общества. В условиях ожесточенной конкуренции за международный авторитет необходимо активно продвигать общественную и культурную дипломатию. Сделать это можно благодаря укреплению языковой коммуникативной способности представителей страны (особенно политиков) для создания высококачественного дискурса.

Исследователи относят политический дискурс к персуазивному (убеждающему). Его особенность заключается в оказании речевого воздействия с целью убеждения, призыва к действию или недействию [1, с. 403]. И. А. Стернин дает следующее определение речевому воздействию: «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [10, с. 45]. Существуют вербальные и невербальные средства речевого воздействия. В данной работе нами будут рассмотрены вербальные средства, то есть непосредственно языковые.

Проанализировав научные работы, посвященные данному пункту, мы можем выделить средства речевого воздействия, которые представлены ниже.

Для политического дискурса в целом наиболее характерны такие средства речевого воздействия, как употребление риторического вопроса, сравнения, использование метафор, эвфемизмов, штампов, высокая частотность употребления абстрактных денотативно свободных слов [6, с. 14]. В нашем исследовании мы подробно рассматриваем метафору как средство речевого воздействия. Для того, чтобы найти примеры использования данного тропа, проанализируем тексты выступлений представителей МИД КНР на пресс-конференциях.

Метафора – это один из способов моделирования действительности; часто применяется по политическом дискурсе, так как она является средством, которое может менять восприятие окружающей действительности адресатом. Китайские лингвисты уделяют много внимания использованию метафоры в политическом дискурсе. Они выполняют две основные функции: создание новых значений и оспаривание предыдущих способов понимания; размывание политического сознания [16, с. 13]. Манипулятивное действие этого тропа основано на видении ситуации реципиентом, его субъективной действительности. За счет употребления метафоры актер выражает свою позицию косвенно, а не прямо. Таким образом он привлекает больше аудитории, потому что не вызывает отторжение резким высказыванием. Частое употребление метафоры для описания тех или иных политических ситуаций приводит к закреплению у общественности ассоциаций. Кроме того, метафора выполняет эстетическую функцию, за счет образности она позволяет оказывать на адресата более глубокое эмоциональное влияние.

Приведем пример функционирования метафоры в политическом дискурсе Китая. На пресс-конференции в марте 2018 года официальный представитель министерства иностранных дел КНР Лу Кан на вопрос об угрозе США начать торговую войну с Китаем ответил:

我们希望美方决策者也认真聆听美国消费者和有关产业界的广泛呼声，认真权衡一旦采取不应采取的单边主义举措可能对美方自身带来的利害得失，没必要非撞上南墙再回头。(外交部发言人陆慷答记者问, 2018-03-30 [22]).

Выделенная фраза – метафора, которую дословно можно перевести как «не натолкнувшись на южную стену, не повернуть головы». Она показывает позицию Китая: спровоцированная США торговая война будет безрезультатной.

Лингвисты Ху Сяоцян и Ся Юнь выделили 9 типов метафор в китайском дискурсе, разделив их по темам: путешествие, строительство, война, организм, растение, механизм и инструмент, природное явление, болезнь, животное. По данным исследования чаще всего в политическом дискурсе Китая встречаются метафоры войны, путешествия и строительства, причем их преимущество перед остальными видами наблюдалось в каждый исторический период (с 1937 по 2020 гг.) [15, с. 189–190]. Рассмотрим каждую из трех типов подробнее.

Метафора путешествия. Она играет главную роль в продвижении общественного развития среди населения Китая и мира. Данная метафора подчеркивает долгий путь, который прошла КНР и указывает на период социалистического ее строительства. Этот же принцип «процесса» Китай применяет для решения задач на международной арене. Например, часто используется в речи представителей МИД КНР метафора «路线图» (буквально «дорожная карта»).

倡议一经提出就得到国际社会热烈响应, 为构建全球发展共同体吹响了“集结号”, 为缩小南北鸿沟提出了“路线图”, 为推进 2030 年议程提供了“加速器”。(2022 年 10 月 19 日外交部发言人汪文斌主持例行记者会 [20]).

各方应一起讨论制定落实协议的路线图和时间表, 为和平而努力, 而不是一味推高紧张, 制造恐慌, 甚至渲染战争。(2022 年 2 月 21 日外交部发言人汪文斌主持例行记者会 [21]).

В первом примере «路线图» метафорично выражает предложенный КНР план по сокращению разрыва между Севером и Югом, который входит в инициативу глобального развития и был выдвинут на 76-й Генеральной Ассамблее ООН. Второй пример демонстрирует использование «路线图» в качестве описания способа урегулирования конфликта между Россией и Украиной.

Метафора строительства. Активное использование этого типа связано с лидерством коммунистической партии, которая всегда стремится создать что-то новое и содействием строительству политическому, экономическому, культурному и социальному. Строительство является одной из целей страны, а политики должны действовать так, чтобы устранять все препятствия на пути вперед [15, с. 191].

二十大还首次将党的全国代表大会相关工作面向全党全社会公开征求意见, 共收集各类意见建议留言 854 万多条, 为开好大会奠定了重要基础。(2022 年 10 月 17 日外交部发言人汪文斌主持例行记者会 [19]).

Здесь “奠定” («закладывать фундамент») используется в качестве метафоры успешной подготовки китайского правительства к 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая.

Метафора войны. Если в XX веке частотность метафоры была связана с политической нестабильностью внутри Китая, то в XXI веке она больше используется в контексте борьбы за блага и права, что подчёркивает стремление Китая к лидерству в мире.

党的十八大以来, 在以习近平同志为核心的党中央坚强领导下, 我们打赢了人类历史上规模最大的脱贫攻坚战, 历史性地解决了绝对贫困问题, 提前 10 年实现联合国 2030 年可持续发展议程减贫目标, 显著缩小了世界贫困人口版

图，为全球减贫事业作出了重大贡献。(2022年10月17日外交部发言人汪文斌主持例行记者会 [19]).

中国脱贫攻坚战取得全面胜利，创造了人类减贫史上的奇迹，对世界作出重要贡献。中国累计向120多个国家和国际组织提供20亿剂新冠疫苗，展现了负责任的大国担当(2022年1月4日外交部发言人汪文斌主持例行记者会 [18]).

В приведенных выше примерах употребление политиками словосочетания “攻坚战” («бой на овладение укреплением») используется как образная замена долгому и сложному процессу сокращения бедности в Китае и преодоления последствий COVID-19.

Таким образом, изучение литературы и анализ текстов позволяет сделать ряд выводов.

На данный момент в научной среде не существует общепринятого понятия дискурса и, соответственно, политического дискурса. Причем данное положение применимо как для отечественной лингвистики, так и для зарубежной.

Китайский политический дискурс активно использует такие средства речевого воздействия, как метафоры, фразеологизмы, эвфемизмы, ирония, экспрессивная лексика.

Изучение средств речевого воздействия в политическом дискурсе дает возможность анализировать выступления политиков, что позволяет более объективно оценивать высказанную информацию. В то же время данное исследование может использоваться непосредственно политиками для более осознанного, а значит, точного использования средств воздействия. Благодаря их верному употреблению адресант будет способен убедить аудиторию и подать информацию таким образом, чтобы достичь необходимой политической цели. Стоит также отметить, что политический дискурс и его характерные черты важно изучать для каждой конкретной страны, чтобы избегать недопониманий между государствами и их представителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аكوпова, Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д. Р. Аكوпова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (1). – С. 403–409.
2. Горбунов, А. Г. Дискурс как новая лингвистическая парадигма / А. Г. Горбунов // Актуальные задачи педагогики : материалы III Междунар. науч. конф., Чита, февраль 2013 г.) / редкол.: Г. А. Кайнова (отв. ред.) [и др.]. – Чита : Издательство Молодой ученый, 2013. – С. 155–158.
3. Горбунов, А. Г. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма : учебное пособие / А. Г. Горбунов. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 56 с.
4. Горбунова, М. В. К истории возникновения термина «Дискурс» в лингвистической науке / М. В. Горбунова // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 244–247.
5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Ефимова, С. К. Способы речевого воздействия в японском политическом дискурсе (на материале интернет-издания газеты “Mainichi Shimbun”) / С. К. Ефимова, В. Парилова // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 4 (21). – С. 9–14.
7. Колесникова, С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация / С. Н. Колесникова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 33 (248). – Вып. 60. – С. 67–69.

8. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
9. Манаенко, Г. Н. Лингвистические координаты понятия «Дискурс» / Г. Н. Манаенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4. – С. 83–92.
10. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия : учебное издание / И. А. Стернин. – Воронеж : «Истоки», 2012. – 178 с.
11. Чернявская, В. Е. Дискурс / В. Е. Чернявская // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет ; Под редакцией А.П. Сковородникова. – Изд. 2-е., переработанное и дополненное. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 134–135.
12. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
13. Ян, Кэ. Исследования политической коммуникации в Китае / Кэ Ян // Политическая лингвистика. – №3 (37). – 2011. – С. 58–63.
14. Usmonov, R. A. The traditions of the documentary features of Russian literature in Yury Trifonov's prose. / R. A. Usmonov // Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura [Language. Philology. Culture]. – 2018. – Vol. 8 (4–5) – P. 48–60.
15. 胡潇倩, 夏云. 政治话语隐喻及翻译—基于中国国家领导人著作的历时分析 / 胡潇倩, 夏云 // 现代语言学. – 2022. – 10 (2). – 页 186–194.
16. 文旭. 政治话语与政治隐喻 / 文旭 // 当代外语研究. – 2014. – 09. – 页 11–16.
17. 岳圣淞, 姜钰. 政治修辞: 历史、理论与实践 / 岳圣淞, 姜钰 // 北京第二外国语学院学报. – 2021. – 43 (6). – 页 119–135.
18. 中华人民共和国外交部 [电子资源]: 2022 年 1 月 4 日外交部发言人汪文斌主持例行记者会. – 存取方式: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202201/t20220104_10478763.shtml. – 访问日期: 29.01.2023.
19. 中华人民共和国外交部 [电子资源]: 2022 年 10 月 17 日外交部发言人汪文斌主持例行记者会. – 存取方式: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202210/t20221017_10784783.shtml. – 访问日期: 29.01.2023.
20. 中华人民共和国外交部 [电子资源]: 2022 年 10 月 19 日外交部发言人汪文斌主持例行记者会. – 存取方式: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202210/t20221019_10785945.shtml. – 访问日期: 29.01.2023.
21. 中华人民共和国外交部 [电子资源]: 2022 年 2 月 21 日外交部发言人汪文斌主持例行记者会. – 存取方式: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202202/t20220221_10644054.shtml. – 访问日期: 29.01.2023.
22. 中华人民共和国外交部驻澳门特别行政区特派员公署 [电子资源]: 2018 年 3 月 30 日外交部发言人陆慷主持例行记者会. – 存取方式: http://mo.ocmfa.gov.cn/chn/jbwzlm/sawj/tpyjh/wjblxjzdh/201803/t20180330_6984798.htm. – 访问日期: 29.01.2023.